

«Слава Богу, Россия — страна поэзии»,

считает Георгий Свиридов, не написавший ни одной оперы

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия» — 1995 — 16 дек — с. 5

Имен, рядом с которыми можно поставить слово «классик», не так уж много в новейшей истории. Композитор Свиридов живет среди нас, творит музыку, и при исполнении ее залы переполнены. Нет, пожалуй, крупного оркестра в мире, который не играл бы его музыки к пушкинской «Метели».

Геorgию Васильевичу Свиридову 16 декабря исполнилось 80 лет, так что жизнь его пришлось как раз на то время, которое одни на чем свет кланут, другие же хотели бы вернуть. С этого «календарного» совпадения и началась наша беседа.

— В моей молодости наше время часто называли эпохой войн и революций. Россию Бог испытывал особо: она оказалась эпицентром вселенского землетрясения.

Искусство отреагировало сразу. Например, Стравинский написал «Весну священную» — как бы возврат к язычеству, к культу человеческих жертвоприношений. Христианство в кризисе — эта тема зазвучала в искусстве очень сильно. Само искусство становилось другим. В музыке меньше значение стала иметь мелодия, на первое место выдвинулся ритм.

Новое искусство (не надо его ругать, так случилось под влиянием жизни) стало огромное внимание уделять изображению зла, крупно осевшего во всем мире. В XX веке зло разожгло мировой пожар, и неясно, когда он догорит.

Но человек живет в мире сотворенном, и ему дано продолжать его творить. Потому искусство никогда не кончалось. Правда, художнику труднее жить, но художнику трудно жить всегда.

— **Большинство ваших произведений — вокально-симфонических форм: от песен и романсов до эпоса. Вас за это и отец-гали журили, и ругательски ругали, а вы гнули свое...**

— В XX веке сильно развилась культура инструментальной музыки. Возвысилось значение оркестра, появились оркестры-виртуозы. Композиторы XIX века не могли, наверное, представить, что можно писать и исполнять такие партитуры, как теперь. Но постепенно этой музыкой насытились, надо было идти новым путем.

— **Вы начинали, когда песня, так сказать, овладевала массами. Но почему-то обратились не к поэтам-песенникам, а к классикам.**

— Я вырос в семье, где почитали книгу. Отец был заведующим почтой, мама и дед — учителями. У меня есть сочинение «Мой отец крестьянин», и многие считают, что я из крестьянской семьи, но нет... Отец погиб 26 лет, в нашей семье многие погибли молодыми, одни — за красных, другие — за белых, гражданская война прошла через нас вот так: страшная тема

— **расслоение в одной семье...**

Почему песня? У Блока есть мысль о душевной келье, где «все мои песни родились». Песня — далеко не только духоподъемный или развлекательный жанр.

Может, потому судьба моя была непростой, что торжествовала музыка симфоническая. И самым ярким представителем ее был мой учитель Шостакович. А меня тянуло в другую сторону. Особенно после войны. Я не был под гипнозом победы, я слишком хорошо понимал, чего она стоила: мое поколение в огромном числе полегло. Когда я демобилизовался и попал в Новосибирск, где встретил Ивана Ивановича Солертинского, он удивился: «А мы думали, вы погибли». И добавил: «Значит, будете долго жить». Я и живу... Очень старался писать, как другие, особенно, как Шостакович, у которого я учился форме. Но ничего не смог поделать против тяги к музыке со словом.

— **А почему мы так и не имеем свиридовской оперы? Сюжета не было?**

— Все было. Но уровня той великой оперы, которая была в XIX столетии, мы не достигли. Многие пытались, но успех сопутствовал очень немногим. Высота оперы, ее горная гряда, видимо, пришлись на XIX век. Вы посмотрите: «Жизнь за царя», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Сказание о граде Китеже» — это же все судьбы народные, глыбы истории. Это же, по сути, сказания о религиозных войнах (мы сейчас возвратились к этому самому страшному типу войн, самому истребительному). Превзойти или хотя бы повторить это невозможно. Потому я и старался работать там, где оставалась невспаханная полоса. Слава Богу, Россия — страна поэзии.

— **Но, кроме Пушкина, Некрасова, Маяковского, Есенина, у вас и Роберт Бёрнс, и Шекспир, и Аветик Исаакян...**

— Последнего особенно люблю, с него началась моя художественная самостоятельность. Именно тогда я «отпочковался».

— **Обычно о Свиридове все же говорят как о русском национальном художнике. Есть, однако, разное понимание национальных традиций, национального характера.**

— Существует нация как общая природа больших групп людей. Бывают времена, когда эта общность не получает того внимания, которого заслуживает. И тогда ос-

лабляется национальная солидарность.

Нация должна соединяться вокруг высокого. Русская нация соединялась вокруг Христа, и когда мы говорим о великом русском искусстве, это надо иметь в виду. Римский-Корсаков написал «Сказание о граде Китеже», потому что увидел: в Россию пришел босаяк, человек без родины, без корней. Гулящие люди... И Корсаков изобразил Гришку Кутерьму, который открывает дорогу татарам ко граду, ибо нет для него ни родного села, ни города... Во мне русский человек, можно сказать, созрел в течение жизни.

— **В связи с этим — о музыке к трилогии Алексея Константиновича Толстого. Это обращение к истории Смутного времени?**

— Нет, это обращение к Богу. Сначала я сочинил музыку о распятии Христа и о Богородице. А когда получил предложение написать музыку к спектаклю, я развил эти фрагменты. Вот уже более 20 лет отдано этой работе.

— **Смокуновский говорил: «У нас не получался «Царь Федор». Но, услышав музыку Свиридова, мы поняли, как надо играть».**

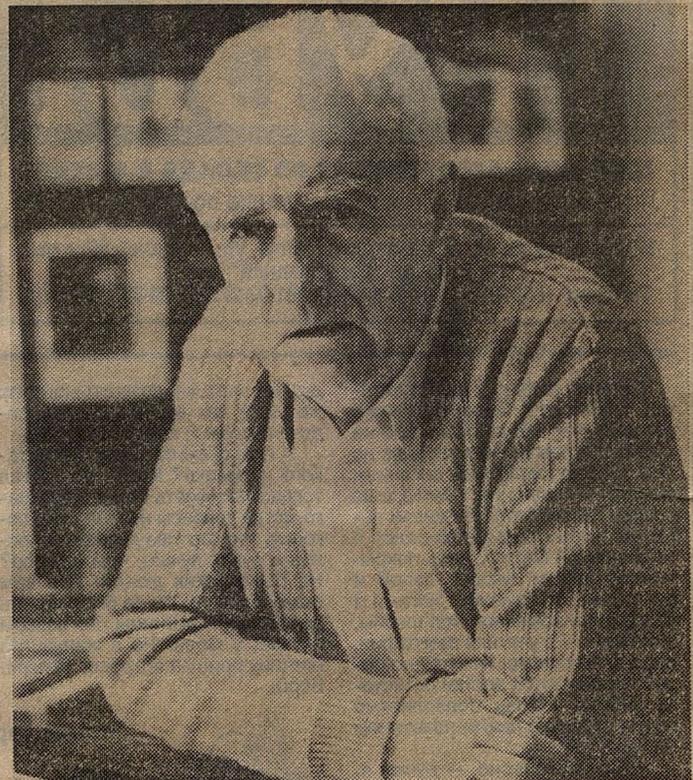
— Меня занимала тема греха. Иван Грозный был великий царь, но грехи его были еще более велики. Борис Годунов тоже — недавно Пушкин увидел в нем прежде всего грешника. А когда грех в основе, ничего хорошего получиться не может. Благодействие людей и грех взаимосключаются. Я считаю, что эта трилогия Толстого гениальна. На удивление: спектакль в Малом театре идет почти четверть века и все более смотрится.

— **На протяжении лет вы видели множество интерпретаторов своего творчества, первых исполнителей своих произведений. Среди них Светланов, Федосеев, Ведерников, Нестеренко, Образцова...**

— Я очень им благодарен. А сейчас появился Дмитрий Хворостовский, он спел «Отчалившую Русь», новое мое сочинение, по всей Америке, в Европе. Полтора года он поет эту программу и говорит, что «зал ревет», а ведь публика абонементная, элитная.

— **Признано: Свиридов — вне школы, вне направлений. Как удавалось проходить мимо шумных новаций?**

— Я никогда никого не осуждал. Дело художника — все же дело человеческого гения. Не в смысле количественного увеличения таланта, а как качественно другого явления. Талант — это пластические способности человека, умение чувствовать краски, мелодию. А гений — иное, нечто таинственное в данном человеке. Искусство

не может существовать без тайны. Есенин, например, это тайна. Он ведь иногда сознательно вводил в стихи неправильную речь. Говорил, например: «И некому мне шляпой поклониться». Критик написал: Есенин неграмотный, шляпой поклониться нельзя. Есенин же заметил: он ничего не понял, в шляпе тут все дело... Так и в музыке, в ней много бессознательного.

— **Из всех искусств она наиболее обращена к чувствам...**

— Но и реакция чувств претерпевает изменения. Сейчас многое изменилось в музыкальных вкусах. Сужу по своим сочинениям, их стали больше слушать. В особенности за рубежом, где, видимо, окончательно пресытились «экспериментами». В чем успех Хворостовского? Он совершенно новый певец, его дарование тоже отмечено тайной. Поднялся интерес и к хорам. Появились изумительные хоры, например, хор Елены Растворовой. Это профессионалы-музыканты, объединившиеся в любительский хор, который достиг абсолютно нового уровня исполнительства. Все они окончили консерватории, Гнесинский институт... А время смены вкусов порождает новое поколение слушателей.

— **Георгий Васильевич, как получилось: искусство вроде закрепощали, не давали работать, а меж тем созданы гениальные произведения, рядом с нами жили классики. Шостакович, Прокофьев не раз попадали в постановление. А вы лично чувствовали нажим?**

— Я был всего лишь молодым композитором, «учили» же на матах. И все же Шостакович и Прокофьев оставались первыми в сознании и общества, и властей. Даже в Союзе композиторов, где находилось немало ревностных исполнителей всяких постановлений,

никто никогда не осмеливался думать, что, мол, Прокофьева долгой, я займу его место. Сталин, кстати, очень хотел, чтобы гимн написал Шостакович... Что касается меня, я, конечно, испытывал определенный нажим, вынужден был работать по найму, но где? В театре у Райкина... Хотя бывало и так: что ни сделаешь, не идет. Больше всего пришлось терпеть от своего брата-композитора, подземные толчки в своей среде — вот что печально. Мое «Трио», получившее Сталинскую премию первой степени, разругали через полгода. Искусство тут ни при чем, просто надвигалось «ленинградское дело», а я тогда жил в Ленинграде.

— **В шоу-бизнесе, как известно, звезду «раскручивают». В серьезной музыке нет этих нравов...**

— И потому серьезная музыка уходит с телевидения, радио — мало охотников «раскручивать» ее. Пожалуй, один Игорь Беляев — стойкий продюсер классики.

— **Вас тоже не минул в свое время административный пост. Чему научило вас хождение в администрацию?**

— Вначале я был в «пассиве», никогда не состоял ни в комсомоле, ни в партии. Да и секретарем Союза композиторов я стал во время «оттепели». Но, несмотря на положение, заветную мечту осуществить мне так и не удалось: издать свод русской песни. Я взялся за это по примеру великого Хиндемита, который издал свод турецких мелодий. Но по неопытности не смог пробить бюрократическую стену и из Союза ушел. Так и живу без должности, без профессорского звания, без ежемесячной зарплаты. Пишу музыку и буду писать, сколько Бог даст.

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.